

Н.Д. Петрова

**ДИСКУРС ГИБРИДНЫХ
УГРОЗ В СТРАТЕГИЯХ ЕС:
АНАЛИЗ НАРРАТИВОВ О
РОССИИ И СТРАНАХ
ВОСТОЧНОГО
ПАРТНЕРСТВА**

N. Petrova

**HYBRID THREAT
DISCOURSE IN EU
STRATEGIES: AN
ANALYSIS OF
NARRATIVES ON RUSSIA
AND THE EASTERN
PARTNERSHIP
COUNTRIES**

Аннотация

Гибридные угрозы определяются в современной политологии как многоуровневые и комплексные стратегии воздействия на политических акторов. Они могут включать традиционные военные методы влияния и новые, такие как кибератаки, дезинформация, экономическое давление, энергетическое влияние, работа с гражданским обществом и другие формы скрытого воздействия. Этот термин стал активно употребляться в официальных документах Европейского союза (ЕС) еще в 2016 году и все больше используется в политической коммуникации с 2022 года в связи с жестким антироссийским внешнеполитическим курсом ЕС на фоне начала специальной военной операции.

Цель исследования – проанализировать, как Европейский союз воспринимает гибридные угрозы и определяет необходимые ответные меры на примере стран Восточного партнерства, являющихся зоной столкновения стратегических интересов России и ЕС.

В рамках исследования рассматриваются представления ЕС о гибридных угрозах, определяемых им со стороны России, а также особенности противодействия им с помощью дискурс-анализа и кейс-стади. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в раскрытии понятия и содержания гибридных угроз применительно к России, ЕС и странам Восточного партнерства, что особенно важно в условиях их все более частого использования в международных отношениях и неоднозначной трактовки, а также возрас-

Abstract

Hybrid threats are defined in modern political science as multi-layered and complex strategies for influencing political actors. They can include traditional military methods of influence and new ones, such as cyberattacks, disinformation, economic pressure, energy influence, civil society outreach, and other forms of covert influence. This term became popular in official European Union (EU) documents as early as 2016 and has been increasingly used in political communications since 2022 in connection with the EU's tough anti-Russian foreign policy course amid the launch of a special military operation.

The purpose of this study is to analyze how the European Union perceives hybrid threats and determines the necessary countermeasures, using the example of the Eastern Partnership countries, which represent a zone of conflict between Russia and the EU's strategic interests.

The study examines the EU's perceptions of hybrid threats as defined by Russia, as well as the specifics of countering them, using discourse analysis and case studies.

The theoretical and practical significance of this study lies in its elucidation of the concept and content of hybrid threats as they apply to Russia, the EU, and the Eastern Partnership countries. This is particularly important given their increasingly frequent use in international relations and ambiguous interpretations, as well as rising political tensions in the Partnership countries. The study found that the European Union perceives hybrid threats as closely linked to

тающего политического напряжения в странах Партнерства.

Исследование показало, что гибридные угрозы воспринимаются Европейским союзом в тесной связи с информационным и энергетическим влиянием России. Среди составляющих гибридных угроз дезинформация занимает особое место, рассматриваясь ЕС как одна из наиболее масштабных угроз безопасности в регионе.

Ключевые слова:

Европейский союз, Россия, Восточное партнерство, гибридные угрозы, дискурс-анализ, дезинформация, энергетическая безопасность.

Russia's information and energy influence. Among the components of hybrid threats, disinformation occupies a special place, being considered by the EU as one of the most significant security threats in the region.

Key words:

European Union, Russia, Eastern Partnership, hybrid threats, discourse analysis, disinformation, energy security.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2026-3-177-194>

В последние несколько лет тема гибридных угроз является одной из самых популярных в риторике ЕС и постоянно трансформирующимся нарративом в официальных документах. Глобальная стратегия Европейского союза (ЕС) «Общее видение, общие действия: более сильная Европа», утвержденная в июле в 2016 года, стала флагманским документом, обозначившим новый характер обеспечения безопасности в Европе и определившим гибридные угрозы среди приоритетных проблем безопасности Союза. Данный термин изначально относился к военным операциям и сформировался вследствие развития концепции «гибридных войн», активно используемой США в контексте борьбы с терроризмом (Bjola, Pammment, 2016, с. 133), операций НАТО и потенциальных угроз со стороны России (Muradov, 2022, с. 170). ЕС признает, что понятие «гибридные угрозы» является «политически субъективным» (Fiott, Parkes, 2019) и ему сложно дать точное определение, так как оно простирается от сферы информационной безопасности и критической инфраструктуры до подрывания авторитета правительств и влияния на общественное мнение (Rutland, Kazantsev, 2016, с. 402). При этом, самым общим объяснением концепции являются «сложности, создаваемые местным влиянием сильных государств, не входящих в ЕС», к которым ЕС в своей сфере влияния («соседстве») относит Турцию, Китай, Саудовскую Аравию и, главным образом, Россию (Sakwa, 2022, с. 42).

Сам термин «гибридные угрозы» активно расширяется и все чаще транслируется Европейским союзом в отношении России и близких территориально к ней государств. В документе ЕС «Стратегический компас по безопасности и обороне» 2022 года гибридные угрозы рассматриваются как

один из ключевых вызовов безопасности ЕС в XXI веке и как неотъемлемая часть современной конфликтности. Гибридные угрозы описываются не как единичные действия, а как скоординированное и целенаправленное использование набора инструментов, направленных на подрыв устойчивости государств-членов ЕС и Союза в целом, а также стран, находящихся в поле его нормативного и стратегического влияния (Гусейнов, Бурнасов, 2022, с. 170). ЕС в официальных документах и политических заявлениях подчеркивает «агрессию» России на Украине и ее потенциальное распространение на другие страны Восточного партнерства (Армению, Азербайджан, Грузию и Молдову), а также «манипулирование гражданским населением» в ежегодных отчетных документах и коммюнике по реализации внешней политики. Фундаментальный отчет по безопасности «Стратегический компас» содержит в себе отдельный раздел по «гибридным угрозам, зарубежному манипулированию информацией и вмешательству», что демонстрирует, насколько серьезно ЕС воспринимает и анализирует роль гибридных угроз как компонент политики безопасности в Евразии. При этом ключевым термином в ответных мерах ЕС является «стрессоустойчивость» (resilience), которая может проявляться как комплекс политических, экономических и информационных мер (Романова, Павлова, 2019, с. 41).

Данная работа преследует цель проанализировать, каким образом Европейский союз определяет и оценивает гибридные угрозы в контексте Восточного партнерства и какие меры предпринимает для противодействия этим угрозам. Важно не только выявить конкретные инструменты и стратегии ЕС, но и рассмотреть, каким образом риторика о гибридных угрозах формирует политику безопасности и международные отношения в регионе.

В ходе исследования применялся качественный дискурс-анализ, основанный на дискурсивно-историческом подходе, разработанном Р. Водак и ее последователями (Wodak, 1989; Weiss, Wodak, 2003). Данный метод позволяет выявлять устойчивые риторические паттерны, фрейминги и нарративы, используемые политическими акторами для конструирования угроз, легитимации внешнеполитических решений и формирования образов «своего» и «чужого» в политической коммуникации. В рамках анализа особое внимание уделялось повторяющимся лексическим конструкциям, оценочным категориям, метафорам и стратегическим приемам проблематизации гибридных угроз в официальном дискурсе Европейского союза.

Отбор документов ЕС для эмпирической базы осуществлялся по следующим критериям: а) наличие прямых или косвенных упоминаний гибридных угроз; б) фокус на России и странах Восточного партнерства; в) нормативный или стратегический характер документа; г) воспроизводимость клю-

чевых нарративов в нескольких источниках или же регулярное возвращение к данной тематике и акцент на ней в рамках одного источника. Для расширения дискурсивного контекста и выявления трансляции официальных нарративов в публичное пространство в исследование также были включены материалы ведущих европейских и международных СМИ за 2022–2025 гг., посвященные проблематике гибридных угроз, дезинформации, кибербезопасности и энергетической безопасности ЕС. Дополнительно использовались публичные комментарии и экспертные оценки российских и европейских аналитиков, опубликованные в медиа, что позволило сопоставить официальную риторику ЕС с альтернативными интерпретациями и критическими оценками.

В качестве дополнительного метода применялся кейс-стади, направленный на анализ специфики дискурса гибридных угроз в отношении отдельных стран Восточного партнерства (Армения, Азербайджан, Грузия и Республика Молдова). Выбор данных кейсов обусловлен их разным уровнем институциональной интеграции с ЕС, неоднородностью внешнеполитических ориентаций и наличием конкурирующих центров влияния, что позволяет более детально проследить вариативность и адаптивность дискурсивных стратегий ЕС. Работа также фокусируется на данных странах, так как Республика Беларусь вышла из соглашения в 2021 году, а на Украине происходит активный конфликт. В дополнение, данный метод используется для детального рассмотрения кейса Молдовы как интересного для изучения благодаря усиленной борьбе пророссийских и проевропейских сил на политической арене в данной стране в последние годы.

Актуальность исследования обусловлена тем, что гибридные угрозы все чаще используются в политическом дискурсе как инструмент легитимации внешнеполитических решений, особенно в случаях внутривнутриполитической нестабильности, что демонстрирует анализ подхода к гибридным угрозам в Молдове. Анализируя, как ЕС формирует представление о гибридных угрозах и какие меры применяет для их нейтрализации, можно лучше понять динамику международных отношений в регионе и возможные сценарии их дальнейшего развития. Усиление роли политического дискурса по проблематике гибридных угроз в современном мире наблюдается как во взаимодействии России и ЕС, так и в российско-американских (Van Raemdonck, Meyer, 2024, с. 59), евро-китайских и американо-китайских отношениях.

Гибридные угрозы: понятие, виды и трактовки

Европейский совет по внешней политике дает следующее определение гибридным угрозам: «использование спонсированных государством акторов,

не всегда признающих себя государственными, не применяющих физическое насилие, цель которых – заставить объект угрозы подчиниться стратегическим интересам агрессора». В официальных документах ЕС сравнивает их с «троянским конем» современности для безопасности Союза и его соседей. Французский институт исследований национальной обороны определяет их как «асимметричные или нетрадиционные методы, используемые для дестабилизации противников» и именно в контексте России, включает в их содержание «дезинформацию, политическое вмешательство и использование прокси-сил». В отчете «Гибридные угрозы демократии в Европе» эксперты Европейской сети политических фондов связывают гибридные угрозы с «дестабилизацией» и «масштабными дезинформационными кампаниями», противостоящим «демократии в ЕС и странах-соседах». Также нередко употребляются такие фразы, как «экономическое манипулирование» и «вепонизация (т.е. использование как угрозу оружием) энергетики». ЕС упоминает про «уязвимость критической инфраструктуры» в странах-членах и соседях и подчеркивает «давление» со стороны России на энергорынок в ЕС и Восточной Европе.

В исследовательском документе ЕС «Гибридные угрозы: Комплексная экосистема устойчивости» представлено определение гибридных угроз как «угрозы военного ... и невоенного характера, например, кибератаки, повреждение критической инфраструктуры, кампании дезинформации, радикализация политического нарратива или инструментализация миграции, которые становятся все более изощренными и широко используются для эксплуатации уязвимостей Европейского союза». Подчеркивается, что «они представляют особую опасность для Европы и ее соседей, поскольку целенаправленно воздействуют на демократические системы и страны, находящиеся в процессе модернизации».

Европейские СМИ поддерживают такую риторику и нарратив актуальности и опасности гибридных угроз для ЕС. Так, в аналитической статье EUObserver отмечалось, что европейские страны «ежедневно сталкиваются с гибридными атаками, которые все чаще рассматриваются как стратегическая угроза, требующая скоординированного ответа со стороны ЕС». Журналисты ведущего французского СМИ Le Monde цитировали Генерального секретаря по национальной обороне и безопасности Франции Стефана Буйона, который утверждал, что выборы в Европейский парламент 2024 года являются «значительной мишенью» для иностранного вмешательства и гибридных угроз, включающих, по его мнению, кибератаки, манипулирование информацией (дезинформацию) и экономическое вмешательство – часто трудно поддающихся установлению и способных нанести вред стране «еще до того,

как противник достанет винтовку, подрывая общество изнутри» . Отдельно отмечался ряд «попыток дестабилизации, организованных Москвой для подрыва общественной поддержки Украины».

Гибридные угрозы часто описываются как сочетание традиционных и нетрадиционных методов — от кибератак и саботажа инфраструктуры до кампаний по дезинформации — направленных на дестабилизацию демократий (Базаркина, 2022, с. 148; Егорченков, Данюк, 2018, с. 29). Дипломат и исследователь Э. Баярунас отмечает, что «гибридные угрозы включают в себя элементы асимметрии и неожиданности...[и] неоднозначности действий государств» (Bajaraūnas, 2020, с. 63). Он справедливо подмечает, что гибридные угрозы являются «серой зоной» в современной политике, так как могут трактоваться различным образом различными политическими акторами. Это подчеркивает зависимость восприятия гибридных угроз от того или иного политического дискурса, контекста и выбора сторон политического напряжения и конфликта, а также легитимацию и обоснование действий с помощью определенной политической коммуникации (Wodak, 1989, с. 53). ЕС с помощью определенных паттернов и повторяющихся фразовых структур определяет гибридные угрозы со стороны России конкретным образом, привязывая их к актуальным проблемам поддержания влияния в соседних странах.

В контексте Восточного партнерства исследователь К. Конер полагает, что из «кольца друзей» в рамках Европейской политики соседства, разработанной еще в 2003, соседние страны ЕС превратились в «кольцо огня» из-за постоянного соперничества за власть между ЕС и Россией и стремлением ЕС охватить абсолютно все сферы экономики и политики стран Партнерства своим влиянием (Kaupert, 2022, с. 160). Это является крайне сложным из-за нечетких механизмов воздействия и ограничений влияния в связи с вопросами суверенитета стран Партнерства и членством ряда стран в интеграционных объединениях с Россией (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС). Именно поэтому практически все аспекты влияния России в странах Восточного партнерства по умолчанию воспринимаются как гибридные угрозы со стороны ЕС.

Основные виды гибридных угроз для ЕС в восточном партнерстве и кейс Молдовы

Для определения гибридных угроз для ЕС в контексте отношений с Россией и странами Восточного партнерства и выявления способов борьбы с ними рассмотрим ключевые отчетные документы ЕС последних лет.

Документ «Стратегический компас», выпущенный в 2022 году как план действий в области безопасности ЕС и его соседей в ответ на начало

специальной военной операции делает особый акцент на укрепление безопасности и сотрудничества в Восточной Европе. В тексте указано, что ЕС будет бороться с «проблемами, с которыми сталкиваются Грузия и Республика Молдова, включая враждебное вмешательство со стороны России и широкое использование военных инструментов и гибридной тактики, подрывающих их стабильность и демократические процессы». ЕС указывает, что влияние России в странах Восточного партнерства ставит под угрозу его собственную безопасность, как в политическом, так и экономическом планах из-за «усиленного влияния» России и «пророссийских сил» в странах Партнерства.

В разделе «Гибридные угрозы, кибердипломатия и иностранная информационная манипуляция и вмешательство» ЕС подчеркивает «дезинформационную кампанию вокруг агрессии на Украине», не приводя конкретных источников, и подтверждает свое стремление в развитии «стрессоустойчивости» Союза и близлежащих стран, используя «максимальные возможности по обеспечению кибербезопасности». В документе утверждается, что «Республика Молдова, Грузия и другие страны Южного Кавказа постоянно сталкиваются со стратегическими запугиваниями, прямыми угрозами их суверенитету и территориальной целостности и оказались в ловушке затяжных конфликтов». Такая риторика говорит об анализе Европейским союзом политики в Восточной Европе исключительно через комплекс своих ценностей и целей, который он преследует в рамках «демократизации» и распространения своего влияния на стран-соседей. Как отмечает А.В. Федоров, в условиях «постдемократии», когда ЕС стремится представить все, что связано с Россией, в негативном свете, гибридные угрозы превращаются в универсальный конструкт, вокруг которого предлагает объединить силы союзников ради «устойчивого демократического мира» с ЕС в его центре (2022).

В 2023 году был выпущен отчет Офиса ЕС и Европейского центра передового опыта по противодействию гибридным угрозам (Hybrid CoE) под названием «Гибридные угрозы: комплексная система по стрессоустойчивости». Сам термин «стрессоустойчивость» (resilience) был также разработан ЕС в тесной связи с термином «гибридные угрозы» и воспринимается как универсальный паттерн ответа на подобные угрозы (Missiroli, 2024, с. 43). В отчете утверждается, что ключевым фактором гибридных угроз в Восточном партнерстве является «ослабление демократических процессов и интеграции стран Восточного партнерства в ЕС и НАТО». В качестве мер, осуществляемых Россией в видении ЕС, указываются:

- дезинформация и пропаганда — активное использование медиа и соцсетей для распространения «фейковых новостей» и «подрыва доверия к западным институтам»;
- кибератаки — взлом государственных систем, саботаж критической инфраструктуры (например, энергетических сетей);
- политическое вмешательство — поддержка пророссийских политических движений и радикальных группировок в странах Партнерства;
- экономическое давление — «манипулирование поставками» энерго-ресурсов и торговыми соглашениями;
- военные угрозы — размещение войск у границ стран-партнеров.

Упомянуты многократно также паттерны «подрыва демократических институтов и западных ценностей», «усиление России как сверхдержавы» и «создание образа "осажденной крепости" внутри страны для укрепления внутренней легитимности». Все это может говорить о стремлении ЕС активно взять под идеологический контроль страны Восточного партнерства и видение пророссийских сил, нормальных для политического климата данных стран, как ценностную угрозу влияния ЕС как актора мировой политики.

Якобы усиливает «информационные угрозы» со стороны России фактор распространенности русского языка в странах Восточного партнерства, из-за чего, с точки зрения ЕС и подчиненным ему медиа, искаженная информация гораздо быстрее распространяется в данных государствах и усиливает негативное влияние РФ на население и политику соседних стран, даже в контексте дружественного сотрудничества, политической и экономической помощи. В рамках проекта «Восточное партнерство 2.0» были опубликованы работы, поясняющие опасность пропаганды на русском языке для обществ Украины, Молдовы и Грузии, а также для восточноевропейского направления политики ЕС в целом.

По утверждению авторов брифа Института исследований безопасности ЕС «Проблемы в Тбилиси: как ЕС должен реагировать на движение Грузии к авторитаризму», «нелиберальные» силы, такие как Россия и Китай, «поддерживают либеральный порядок» и «развитие гражданского общества», поддерживая «авторитарных лидеров». При этом абсолютно игнорируются данные о выборах, опросы населения, внутренние проблемы в управленческом аппарате, а также экономические нужды Грузии, которые необходимо учитывать при анализе данных политических процессов (Квициани, 2024, с. 70).

В Годовом отчете о прогрессе по реализации Стратегического компаса безопасности и обороны упоминается, что Союз запустил миссию в Армении из-за «напряженной ситуации на границе с Азербайджаном», и Молдове для «поддержания устойчивости безопасности и противодействия кибератакам и

манипулированию». При этом там же ЕС четко обозначает свои интересы в данных государствах (взаимодействие с гражданским обществом, развитие инфраструктуры на гранты и «укрепление доверия»), которые с точки зрения ЕС не являются угрозой гражданскому обществу и суверенитету, при практически зеркальных действиях с Россией. В контексте Грузии и Молдовы используются такие фрейминги и фразы, как «враждебное вмешательство», «широкое использование гибридной тактики», «угроза стабильности и демократическим процессам». ЕС открыто стремится контролировать гражданское общество стран Партнерства, упоминая о развитии «демократических институтов» и специальных программ по сотрудничеству.

В Отчете «Гибридные угрозы демократии в Европе: российское и китайское влияние в странах соседства ЕС» также часто используется дихотомия «свой-чужой». Четко прослеживается контраст негативных паттернов «прокси-организаций», «навязываемого культурного влияния», «легитимизация российской внешней политики» (будто какие-либо аспекты взаимодействия России и Партнерства нелегитимны) и даже влияния православной церкви в контексте России против положительных с точки зрения ЕС паттернов «распространения демократических ценностей», «поддержке политических и экономических систем», «укрепления доверия и сотрудничества». Стандартные механизмы международного взаимодействия ЕС подсвечивает в абсолютно разных контекстах и эффектах говоря о себе и о России, что снова демонстрирует субъективность и «серую зону» определения гибридных угроз.

Отдельно стоит подчеркнуть «гибридные угрозы» в вопросах энергетики. В документах ЕС прослеживается и настороженность в отношении влияния России на страны-члены ЕС в контексте энергетической безопасности и ЕС, и восточных соседей (Vecchio, 2024, с. 156). Так, в отчете ЕС и Hybrid CoE утверждается о том, что «российская пропаганда» и «дезинформационные кампании» настроили официальных лиц и общество Германии в поддержку проекта «Северный поток-2» несмотря на санкции и «уязвимость инфраструктуры». Такая риторика говорит о разобщенности внутри ЕС и недоверии даже в рамках самого Союза.

В том же отчете «Гибридные угрозы демократии...» ЕС говорит об «уязвимостях» стран Партнерства и «энергетическом шантаже» в контексте импорта энергоносителей и, в частности, газа. При этом ничего не говорится о стабильных и действующих соглашениях между Россией и странами партнерства, а также продолжающихся закупках нефти и газа Европейским союзом, несмотря на заявления о санкциях и развитие альтернативных средств добычи энергии (Балахонова, Князькина, Арапова, 2024, с. 192). В докладе

«Защищая критическую инфраструктуру Европы от российских гибридных угроз» говорится о якобы «постоянном мониторинге» России энергетических объектов Европы и обвиняет в «саботаже» энергетических путей и «шантаже» ЕС и его стран-соседей. Проект EU NeighboursEast (Восточные соседи ЕС) также призывает снизить власть «агрессивной» России в области энергетики в регионе, «принуждающей» вести с ней торговые сделки. В их брифе подчеркивается, что Грузия стремится стать центром зеленой энергетики на Кавказе и планирует расширять свои производственные мощности с помощью инвестиций ЕС. ЕС рассчитывает на расширение энергетического сотрудничества в Партнерстве с помощью кабеля в Черном море между Грузией, Румынией и Азербайджаном, что, по мнению экспертов, повысит «стрессоустойчивость», «поощрит независимость поставок энергии» и «защитит окружающую среду». При этом проект все еще не завершился, а поставки энергии из России растут, и наше государство является лидером среди экспортеров электроэнергии на начало 2025 года. Энергетические пути, предлагаемые ЕС, нестабильны и крайне дороги, в то время как Россия наращивает энергетическое взаимодействие с Турцией для удобства поставок как внутрь страны, так и для партнеров (Макаров, Терехова, 2025, с. 126).

Анализируя гибридные угрозы, которые ЕС видит в странах Восточного партнерства, особый интерес вызывает кейс Молдовы. Вызовы в контексте гибридных угроз для Молдовы со стороны России, с точки зрения ЕС, связаны с непосредственной близостью к Украине и противостоянию пророссийских (ряд политических партий и Приднестровье) и проевропейских сил (сторонники президента Майи Санду) внутри государства. В случае этого государства ярче всего проявляются 2 аспекта гибридных угроз: энергетический и информационный.

Западные эксперты называют Молдову «наиболее уязвимой» страной Партнерства в контексте «вепонизации» энергии в регионе. Европейский комиссар по вопросам расширения Европейского союза Марта Кос на встрече с президентом Молдовы Майей Санду заявила, что «Кремль продолжает использовать энергетику как предмет шантажа» и объявила план по «полной интеграции энергетики Молдовы в систему ЕС», что представляет собой также непосредственное влияние на энергетический суверенитет страны. Стремясь снизить потребление энергии из России под давлением Брюсселя, Кишинев активно искал альтернативы поставкам из России. За последние два года Молдова начала закупать газ через европейский рынок и соседнюю Румынию. Министр энергетики Молдовы Виктор Парликов при этом отметил, что решения по закупкам будут приниматься по прагматическим мотивам, а не политическо-идейным: «Мы придерживаемся прагматичного подхода: ес-

ли цена будет лучше, тогда можем закупить у “Газпрома”. Но если цена на бирже будет выгоднее, тогда зачем переплачивать “Газпрому”?». Также важно отметить, что ЕС до сих пор не нашел ответ на то, как обойти использование электростанции в Приднестровье, которая в том числе зависит от российских источников, что, по мнению экспертов, является нежеланием усиливать нестабильность в регионе.

При этом даже государственные деятели Молдовы не согласны со стратегией ЕС по энергетическому переходу. Попытки резкого перехода на зеленую энергетику натолкнулись на ограничение выдачи лицензий, поскольку «отсутствуют необходимые балансирующие мощности и инфраструктура», как подметил эксперт по энергетике и экс-директор газотранспортной компании «Молдоватрансгаз» Андрей Дамашкин. Экс-премьер Ион Кику раскритиковал власти за заявления об «избавлении страны от Газпрома». В августе 2024 года, когда правительство ввело режим предупреждения из-за рисков прекращения транзита газа через Украину, Кику в своем Телеграм-канале с иронией напомнил обещания бывшего вице-премьера Андрея Спыну: «На днях вышел шарлатан и похвастался, что “спас страну от Газпрома”. Сегодня выходит другой и объявляет нам “тревогу”, что российский газ не может пройти...». Вячеслав Ионицэ, аналитик молдавского института IDIS Viitorul, привел данные: жители республики платят за приобретенный у европейских посредников природный газ самую высокую цену среди стран Юго-Восточной Европы, что не может не вызывать недовольства у населения. Иными словами, Молдова продолжает потреблять российский газ, но уже косвенно и с существенной переплатой.

Таким образом, все указанное выше ставит под сомнение провозглашенную «энергетическую независимость» и подчеркивает несоответствие ожиданий ЕС от экономического пути Молдовы с реальностью, где Молдове невыгодны европейские решения и неактуальны энергетические «гибридные угрозы», которые ЕС пытается ей навязать.

Говоря об информационном влиянии, важно указать, что для поддержки Майи Санду и проевропейского вектора политики Молдовы Совет Европейского союза принял решение о создании партнерской миссии ЕС в Республике Молдова (EUPM Moldova). В официальном заявлении подчеркивается, что запуск миссии обусловлен, по оценке ЕС, «ростом и продолжающимся характером попыток России дестабилизировать Молдову с использованием гибридных инструментов». Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель отметил, что развертывание миссии рассматривается Европейским союзом как политический сигнал поддержки Молдовы в условиях «нестабильной обстановки».

Официальный представитель МИД РФ Мария Захарова назвала такие заявления Кишинева и Брюсселя «абсолютно необоснованными и бездоказательными», заявив, что они сделаны в духе западных информационных приемов для оправдания собственной активности. Аналитик Сергей Манастырлы отметил, что власти Молдовы сами заинтересованы акцентировать внешние угрозы: по его словам, руководство стремится «заменить хлеб геополитикой», поэтому «публично идут рассуждения об угрозах со стороны России и о том, что Молдова – это чуть ли не осажденная крепость». Таким образом, внутренние проблемы, в том числе и энергетические кризисы, нередко подаются официально как следствие гибридных атак Москвы, что, по мнению ряда экспертов, служит еще и консолидации общества вокруг проевропейского курса правительства.

Как отмечают российские исследователи, в то время как Молдова с помощью ЕС якобы пытается защититься от «гибридных угроз» России, она сама же подвергается активному влиянию западных сил. Так, США с 2021 стартовали проект постройки большого посольства в Кишиневе, которое может являться военным разведывательным центром (Максимов, 2021, с. 119). При этом Молдова, согласно собственной конституции, является нейтральным государством, что идет вразрез с подобными процессами и демонстрирует гибридное влияние НАТО на страну. Как подчеркивает Н.И. Харитонова, Молдова с 2021 года открыто говорит об ориентации политики на ЕС, США и НАТО, а решение о принятии Молдовы в кандидаты в члены ЕС, объявленное президентом Франции Э. Макроном, стало открытым политическим сигналом о намеренном влиянии Запада на страну (2023, с. 102).

В одном из самых актуальных документов по Молдове, резолюции Европейского парламента «Укрепление устойчивости Молдовы к российским гибридным угрозам и злонамеренному вмешательству» 2025 г., утверждается, что Россия и связанные с ней акторы используют «широкий спектр невоенных методов давления» — от дезинформации и кибератак до нелегального финансирования политических сил и манипулирования энергетическими поставками с целью «подрыва демократических институтов, ослабления общественного доверия и сдерживания курса Молдовы на сближение с ЕС». Особо подчеркивается, что «дезинформация активизировалась» в период референдума 2024 года и в преддверии выборов 2025 года. Это серьезные обвинения, которые не подкрепляются фактами и имеют цель надавить на Россию и усилить нарратив угрозы среди населения Молдовы. Такая враждебная позиция с повторяющимися словами «угроза», «подрыв» говорит о нарастающем желании взять политику Молдовы под идеологически-нормативный контроль ЕС.

На примере Молдовы видно, как ЕС жестко пытается «переманить» под купол своего влияния страны-соседи России и выстраивает образ угрозы и давления, направленные на государства Восточного партнерства с целью продемонстрировать ЕС как «свой» актор и Россию как «чужой», невзирая на недостатки реформ и мнение гражданского населения.

Ответные меры ЕС в ответ на гибридные угрозы

Так как проблема гибридных угроз позиционируется как одна из серьезнейших в контексте безопасности Союза и его соседей, ЕС разработал отдельные проекты, структуры и институты, занимающиеся этим вопросом.

Одним из первых инструментов по борьбе с информационными гибридными угрозами стала Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям (ЕС СтратКомм), созданная в 2015 году после присоединения Россией Крыма для помощи делегациям ЕС в странах Восточного партнерства (Bjola, Pamment, 2016, с. 137). Главным проектом этой группы является EU vs DisInfo (ЕС против дезинформации), сайт с новостной аналитикой и базой данных по информационным угрозам от России (Wagnsson, 2018, с. 1667; Ördén, 2018, с. 428). Новостные статьи отличаются саркастическим тоном и сопровождаются концептуальными изображениями по теме (см., приложение). EU vs DisInfo также регулярно собирает статистику по дезинформации, отражая, сколько случаев дезинформации произошло за период (месяц, неделя), на каких языках, какие главные темы были подняты в «искаженных» статьях. На сайте представлен и поиск по странам, датам и событиям, отражающий материалы, которые ЕС считает дезинформирующими. Позже группа была переименована в Оперативную группу по стратегическим коммуникациям на Востоке (East StratCom Task Force), подчеркивая важность информационного влияния в Восточном партнерстве для ЕС.

В «Стратегическом компасе» 2022 года вместе с постоянно встречающимися нарративами «укрепления стрессоустойчивости» и «подрывного влияния» других стран упоминается такая инициатива, как EU Hybrid Toolbox, что можно перевести как «набор инструментов» против гибридных угроз. В него в первую очередь входит механизм быстрого реагирования, над которым работают и эксперты ЕС, и специалисты соседних стран для экстренной помощи в случае гибридной атаки (например, кибер-атаки на информационные ресурсы или «вмешательство в энергетическую инфраструктуру», в которых ЕС регулярно обвиняет Россию). Также упоминаются и специальные службы по дезинформации, схожие с EUvsDisinfo, но фокусирующиеся больше на работе с Интернет-пространством. Меры по защите от различных видов гибридных угроз также вошли в политическую модель

CORE (Comprehensive Resilience Ecosystem) – комплексную экосистему стрессоустойчивости, в центре которой лежит принцип налаживания коммуникации между странами-членами и укреплением взаимосвязей с соседними странами, в частности Восточным партнерством. Модель предполагает, что в связи с активным развитием технологий в гибридных угрозах могут появляться новые «серые зоны», и что ЕС намерен далее прорабатывать определение гибридных угроз со своими партнерами (Larsson, 2024).

В отчете указывается, что ЕС намерен укреплять «верховенство закона и реформы, основанные на европейских ценностях, правилах и стандартах...у восточных соседей», связывая это с фреймингом «стратегических угроз и напряжения» в странах Восточного партнерства из-за действий России на Украине и «стратегического влияния» в Грузии, Молдове, Азербайджане и Армении, и собирается создавать новые соглашения для укрепления партнерства. В документе 2024 года по реализации «Компаса» говорится, что «взаимодействие ЕС с его восточными партнерами в области безопасности и обороны еще более активизировалось». Здесь же подчеркивается, что ЕС планирует развивать инициативы по расширению политики соседства и дорабатывать информационную платформу «Европейская перспектива» для укрепления связей в первую очередь с Грузией и Молдовой.

Аналитический отчет Hybrid CoE напрямую указывает на борьбу с политикой постсоветской и религиозной (православной) идентичности и «социальной мобилизации» в качестве мер против гибридных угроз и информационного влияния России в странах Восточного партнерства. В качестве «противовесов» называются политические и гражданские форумы и инициативы для гражданского общества, такие как Саммит Европейского политического сообщества в Кишиневе, открытые встречи политических лидеров, а также финансирование; так, Армения и Азербайджан получили от ЕС около 2 млрд евро на развитие общества и «демократизацию». В 2025 году рабочая группа «Восточное соседство ЕС» отметила проведение «стресс-тестов» по гибридным угрозам и тренинги по «симуляции цифровым угрозам на выборах» как метод устойчивости и противодействию «внешних атак».

В отношении экономики и энергетики ЕС подчеркивает, что Координационным центром реагирования на чрезвычайные ситуации был доработан Механизм гражданской защиты ЕС, предполагающий срочные действия, например, при полном отключении газа или электросетей. Так, утверждает, что центр «ответил на просьбы Молдовы сократить зависимость от природного газа из России» и разработал план по энергобезопасности для страны. Отчет Института по исследованиям безопасности ЕС «Укрепляя стрессоустойчивость на Востоке» также делает фокус на взаимодействие с

Молдовой и «стабилизации» Приднестровья, так как указывает на необходимость стабильных поставок газа и энергоносителей в связи с «ростом расходов» на сферу энергетики в ЕС. Соответственно, ключевым вопросом здесь является не энергетическая безопасность стран Партнерства, а благополучие ЕС.

ЕС также спонсирует проекты по развитию «зеленой» и устойчивой энергетики, включая новый кабель в Черном море и различные предпринимательские инициативы, производства, использующие технологии от ЕС по сокращению энергопотребления для того, чтобы не использовать «российские ресурсы» (Geri, 2024, с. 18). Страны партнерства также поддерживаются проектом EU4Climate, включающим в себя встречи лидеров, предпринимателей и представителей гражданского общества по темам экологии, альтернативных источников энергии и энергетическому сотрудничеству.

Европейский Союз рассматривает гибридные угрозы как один из важнейших вызовов безопасности в регионе, особенно в контексте взаимоотношений с Россией и странами Восточного партнерства. Анализ отчетных документов ЕС, таких, как «Стратегический компас» и отчет Hybrid CoE, демонстрирует, что ключевыми составляющими гибридных угроз в понимании ЕС являются информационное влияние, кибератаки, экономическое и энергетическое давление, политическое вмешательство и давление и поддержка прокси-групп. Таким образом, Европейский союз определяет данные угрозы как широкий спектр мер, направленный на укрепление влияния третьих стран на страны-члены и страны соседства ЕС, находящихся в зоне непосредственного влияния Союза.

ЕС использует фрейминг защитника демократических ценностей и разделение на категории «свой-чужой» в отношении стран партнерства. Больше всего в этой сфере проявляется нарратив «солидарности», так как в отчете делается фокус на объединенные действия стран-членов ЕС и их восточных партнеров против возникающих угроз, и «уязвимости», подчеркивая их серьезность и важность выработки мер защиты от них для ЕС и его соседей.

Практически любое влияние России на восточных соседей приравнивается к пропаганде и угрозам во многих европейских исследованиях и отчетах. В отношении России чаще всего прослеживаются нарративы «агрессии», «угроз», «негативного влияния» в странах Восточного партнерства, при том, что ЕС преследует те же интересы и использует идентичные меры влияния в сфере информационного, политического, экономического и социокультурного взаимодействия.

Гибридные угрозы, связанные с пограничным влиянием России в странах Восточного партнерства, понимаются в разрезе манипуляции информацией и политических решений, направленных на привлечение граждан этих государств и создание положительного образа России, что является критичным в контексте разделения и конкуренции интересов России и ЕС в данных странах. Информационная сфера, коммуникации и дезинформация занимают крайне важное место в определении гибридных угроз для стран Восточного партнерства с точки зрения ЕС. Многие элементы влияния России в регионе рассматриваются как способ насаждения своих интересов и «пропаганды», в связи с чем были созданы целые агентства и специальные информационные проекты ЕС, приняты планы действий и тематические документы.

Часто упоминаются и опасения ЕС насчет энергетического влияния России на страны Партнерства, которое они стремятся побороть с помощью инвестиций в альтернативные источники энергии и проекты с целью уменьшения использования ресурсов из России. При этом «альтернативные источники» регулярно бывают невыгодны странам, а также для них нет адекватной инфраструктуры, что показывает кейс Молдовы.

Меры борьбы с гибридными угрозами затрагивают и уровень органов ЕС и правительств стран, и уровень гражданского общества. Несмотря на выработку комплексов мер и специальных проектов, на данный момент внутренняя разобщенность ЕС и различные подходы стран-членов к восприятию угроз создают сложности для единой и эффективной политики соседства и укрепления влияния Союза в странах Восточного партнерства. Можно предположить, что гибридные угрозы останутся ключевым вызовом и предметом новых стратегических документов и планов для безопасности ЕС и его партнеров в ближайшем будущем, особенно в контексте информационного соперничества России и ЕС.

References

Bajarūnas, E. (2020). Addressing hybrid threats: Priorities for the EU in 2020 and beyond. *European View*, 19(1), 62-70. <https://doi.org/10.1177/1781685820901961>

Balahonova, S. I., Knyaz'kina, E. S., & Arapova, E. Y. (2024). Vliyanie antitirossijskich sankcij ES na trgovlyu energonositelyami mezhdru Rossiej i ee klyuchevymi partnerami. *Sravnitel'naya politika*, 15(4), 188-206.

Bazarkina, D. Y. (2022). Praktika protivodejstviya gibridnym ugrozam: opyt Evropejskogo soyuza i ego gosudarstv-chlenov. *Sovremennaya Evropa*, 2 (109), 145-158.

Bjola, C., & Pamment, J. (2016). Digital containment: Revisiting containment strategy in the digital age. *Global Affairs*, 2(2), 131-142.

Egorchenkov, D. A., & Danyuk, N. S. (2018) Teoretiko-ideologicheskie podhody k issledovaniyu fenomena "gibridnyh vojn" i "gibridnyh ugroz": vzglyad iz Rossii. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*, 1, 26-48.

Fedorov, A. V. (2022). Gibridnye ugrozy – novyj vyzov ili zhupel postdemokratii? (zapadnyj diskurs). *Polilog*, 4(6). <https://doi.org/10.18254/S258770110023746-2>.

Fiott, D., & Parkes, R. (2019, April). Protecting Europe: The EU's response to hybrid threats (EUISS Chaillot Paper No. 151). European Union Institute for Security Studies. https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/CP_151.pdf

Geri, M. (2024). Understanding Russian hybrid warfare against Europe in the energy sector and in the future "energy-resources-climate" security nexus. *Journal of Strategic Security*, 17(3), 15-34. <https://doi.org/10.1080/23340460.2016.1188615>

Gusejnov, K. K., & Burnasov, A. S. (2022). Strategicheskij sdvig: ot Global'noj strategii 2016 goda do Strategicheskogo kompasa 2022 goda. *Koinon*, 3(3-4), 165-177.

Haritonova, N.I. (2023). Perspektivy integracii Moldovy v NATO. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*, 97, 98-111.

Kaunert, C. (2022). EU Eastern Partnership, hybrid warfare and Russia's invasion of Ukraine. *Eucrim*, 2022(2), 158-164.

Kviciani, Dzh. Dzh. (2024). Gruzinsko-rossijskie otnosheniya v sovremenom geopoliticheskom processe. *Narody Kavkaza. Tradicii i sovremennost*, 4, 68-74.

Larsson, O. (2024, April 3-6). Responses to grey zone and hybrid threats: How much resilience is enough? Paper presented at the ISA 2024 Annual Convention, San Francisco, CA. <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:1856029/FULLTEXT01.pdf>

Maksimov, A. S. (2021). Ugrozy nacional'noj bezopasnosti Rossii v usloviyah gibridnoj vojny. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 16(3), 109-130.

Markov, A. A., & Terehova, A. V. (2025). Rossiya i Turkiya: energeticheskij vektor sotrudnichestva. *Mezhdunarodny' zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, 2-1(101), 125-128.

Missiroli, A. (2024). From hybrid warfare to “cybrid” threats—and back? Concepts, challenges, responses. In L. Lonardo (Ed.), *Addressing hybrid threats* (pp. 40–56). Edward Elgar Publishing.

Muradov, I. (2022). The Russian hybrid warfare: the cases of Ukraine and Georgia. *Defence Studies*, 22(2), 168–191.

Ördén, H. (2019). Deferring substance: EU policy and the information threat. *Intelligence and National Security*, 34(3), 421–437. <https://doi.org/10.1080/02684527.2019.1573533>

Romanova, T., & Pavlova E. Stressoustojchivost' v Evrosoyuze i Rossiya: sut' i perspektivy novoj koncepcii // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 2019. T. 63, №6. S. 102–109.

Rutland, P., & Kazantsev, A. (2016). The limits of Russia’s ‘soft power.’ *Journal of Political Power*, 9(3), 395–413. <https://doi.org/10.1080/2158379x.2016.1232287>

Sakwa, R. (2022). *The Russia scare: Fake news and genuine threat* (1st ed.).

Van Raemdonck, N., & Meyer, T. (2024). Why disinformation is here to stay: A socio-technical analysis of disinformation as a hybrid threat. In L. Lonardo (Ed.), *Addressing hybrid threats* (pp. 57–83).

Vecchio, A. (2024). EU energy security policy and hybrid threats. In L. Lonardo (Ed.), *Addressing hybrid threats* (pp. 149–174).

Wagnsson, C., & Hellman, M. (2018). Normative Power Europe Caving In? EU under Pressure of Russian Information Warfare. *JCMS Journal of Common Market Studies*, 56(5), 1161–1177. <https://doi.org/10.1111/jcms.12726>

Weiss, G., & Wodak, R. (2003). *Critical discourse analysis: Theory and interdisciplinarity*.

Wodak, R. (1989). *Language, power and ideology: Studies in political discourse*.

Для цитирования: Петрова, Н. Д. Дискурс гибридных угроз в стратегиях ЕС: анализ нарративов о России и странах восточного партнерства / Н. Д. Петрова // *Polit-Book*. – 2026. – № 3. – С. 177–194. – DOI 10.24412/2227-1538-2026-3-177-194.